РОМАН

Тот, кто забыл себя
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР
Иногда, чтобы вспомнить себя,
нужно потерять всё...

Андрей Зыбинский
Тот, кто забыл себя

https://litres.ru/74925703
SelfPub; 2026

Аннотация

Он очнулся в больничной палате после тяжёлого ранения. Его тело почти не слушается, прошлое исчезло, а собственное имя кажется чужим.

Томас Эшфорд узнаёт, что у него есть жена и дочь. Но где они? Почему окружающие избегают его вопросов? И почему некоторые люди боятся самого факта, что он остался жив?

Единственная зацепка — старый ключ, загадочная фотография и имя человека, который, согласно официальным документам, умер несколько лет назад.

В поисках своей семьи Томас отправляется в Лондон, где за фасадами старинных домов, в забытых архивах и запертых комнатах скрывается история, начавшаяся задолго до его ранения.

Андрей Зыбинский
Тот, кто забыл себя

Психологический триллер

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Тот, кто вернулся
Глава 2. Чужое имя
Глава 3. Первые шаги
Глава 4. Ключ от Лондона
Глава 5. Дом на Блэк-лейн
Глава 6. Брат из могилы
Глава 7. Человек, которому верили
Глава 8. Лицо на старой фотографии
Глава 9. Два льва
Глава 10. Выстрел в темноте
Глава 11. Девочка из 1879 года
Глава 12. Книга мёртвых
Глава 13. Человек, который подписал приказ
Глава 14. Второй Томас
Глава 15. Мальчик из запертой комнаты
Глава 16. Имя, написанное кровью
Глава 17. Третий ребёнок
Глава 18. Человек за дверью

Глава 19. Протокол ноль
Глава 20. Уроки забвения
Глава 21. Последний свидетель
Глава 22. Архив под землёй
Глава 23. Человек, которого не было
Глава 24. Первое воспоминание
Глава 25. Похороны живого человека
Глава 26. Восемь писем
Глава 27. Комната восьмого воспоминания
Глава 28. Что произошло в 1879 году
Глава 29. Цена имени
Глава 30. Последняя ложь Элеонор
Глава 31. Человек без имени
Глава 32. Тот, кто помнит
Эпилог. Человек, который помнил

Глава 1. Тот, кто вернулся

Англия, графство Кент. Ноябрь 1899 года. Первое, что он почувствовал, был запах. Карболовая кислота. Влажное бельё. Старое дерево. И ещё что-то металлическое, едва уловимое, от чего во рту возник привкус крови. Затем пришла боль. Она начиналась где-то за правым ухом и расходилась по черепу тяжёлыми, мучительными толчками. Казалось, внутри головы медленно вращали тупой нож. Он попытался открыть глаза. Веки не подчинялись. Попытался поднять руку. Не получилось. Тогда он решил, что умер. Мысль

показалась странно убедительной. Он не знал, почему оказался в таком состоянии, не помнил последних минут жизни, но был почти уверен, что смерть должна ощущаться именно так: неподвижность, холод и полное отсутствие желаний. Однако затем он услышал дождь. Капли стучали по стеклу, а где-то за стеной скрипели половицы. Вдали раздался звон колокола — медленный, размеренный, словно кто-то отсчитывал секунды, оставшиеся ему до конца. Он вдохнул. Воздух обжёг горло. Мужчина резко попытался приподняться, но тело ответило судорогой боли. Из груди вырвался хрип. — Боже милостивый! Послышались торопливые шаги. — Сестра! Скорее! Он очнулся! Чьи-то руки осторожно прижали его плечи к матрасу. — Не двигайтесь, сэр. Ради всего святого, не двигайтесь. Он наконец открыл глаза. Над ним склонилась женщина в тёмном платье с белым воротником. На её груди блестела небольшая серебряная брошь. Волосы были аккуратно убраны под чепец, а на лице читалась такая тревога, словно перед ней лежал человек, которого она уже однажды видела мёртвым. За её спиной белел высокий потолок с тонкими трещинами. Справа стоял умывальный столик с кувшином и тазом. На стене висело распятие, а рядом тикали старинные часы в деревянном корпусе. Он попытался заговорить. — Где… Голос оказался чужим. Хриплым, слабым, словно принадлежал старому человеку. Женщина наклонилась ближе. — Тише. Вы в лечебнице Святого Варфоломея. Вы долго болели. Он облизнул пересохшие

губы. — Где я? — В графстве Кент, сэр. В Англии. Англия. Слово ничего не вызвало в его памяти. Он знал, что это название страны. Понимал значение слов, различал предметы, узнавал назначение часов и кувшина. Но стоило попытаться вспомнить собственную жизнь, как перед ним возникала бездонная пустота. Он посмотрел на свои руки. Длинные пальцы. Бледная кожа. Несколько старых шрамов на костяшках. На безымянном пальце левой руки — светлая полоска, словно когда-то там долго носили кольцо. — Кто я? — спросил он. Женщина перестала поправлять одеяло. — Простите? — Кто я? Она посмотрела на него так, словно не расслышала. — Вы не знаете собственного имени? Он медленно покачал головой. Врач появилась через несколько минут. Высокая женщина лет сорока с тёмными волосами, собранными на затылке, и внимательными серыми глазами. На ней было строгое платье, поверх которого она надела белый медицинский передник. Она представилась доктором Маргарет Хейл. — Посмотрите на меня, сэр. Хорошо. Теперь следите за моим пальцем. Он выполнил просьбу. — Сколько пальцев я показываю? — Два. — А теперь? — Один. Она задала ещё несколько вопросов, проверила реакцию его зрачков, попросила сжать её руку. Правая рука послушалась, левая едва заметно дрогнула. — Вы помните своё имя? — Нет. — Имя отца? Матери? Он молчал. — Жену? Детей? На последнем вопросе мужчина почувствовал странное напряжение в груди. Он не помнил ни жены, ни детей. Но почему-то именно

этот вопрос причинял ему больше боли, чем рана в голове. — Нет, — прошептал он. Доктор Хейл обменялась взглядом с сестрой. — Вы получили тяжёлое ранение головы во время службы в Южной Африке. Вас доставили в Англию несколько месяцев назад. С тех пор вы находились без сознания. — Несколько месяцев? — Да. Он посмотрел на окно. Дождь стекал по стеклу тонкими дорожками. — Какое сейчас число? Доктор назвала дату. Он попытался понять, что это значит. Ноябрь. Конец осени. За окном холодно, а на подоконнике лежит жёлтый лист, занесённый ветром. — Как меня зовут? — спросил он. — Томас Эшфорд. Имя повисло между ними. Томас. Эшфорд. Он повторил его про себя, пытаясь вызвать хотя бы слабое узнавание. Ничего. — Вы уверены? — Совершенно. Ваши документы прибыли вместе с вами. — Тогда почему я ничего не помню? Доктор Хейл присела на стул возле кровати. — Ваше ранение было очень тяжёлым. Память может восстанавливаться постепенно. Возможно, некоторые воспоминания вернутся, когда вы окрепнете. Но я не могу обещать, что это произойдёт полностью. Томас долго смотрел на неё. — Я хочу увидеть свои документы. — Когда вам станет лучше. — Сейчас. — Мистер Эшфорд, вы едва можете держать голову. — Тогда прочитайте их мне. Доктор не ответила сразу. И в этой короткой паузе он почувствовал первое настоящее подозрение. — Вы знаете что-то, чего не хотите мне говорить. — Я знаю, что вы должны отдыхать. — Это не ответ. Впервые в её глазах появилось раз-

дражение. — Хорошо. Тогда вот ответ: ваше тело пережило травму, которая могла стоить вам жизни. Вы потеряли способность самостоятельно передвигаться, долго не могли говорить и до сих пор не можете вспомнить собственное прошлое. Если вы хотите вернуть себе хотя бы часть прежней жизни, вам придётся набраться терпения. Она поднялась. — Мы поговорим завтра. — Доктор. Она остановилась у двери. — У меня есть семья? Маргарет Хейл медленно повернулась. — Согласно вашим документам, да. — Жена? — Да. — Дети? — Одна дочь. Томас закрыл глаза. Дочь. Слово словно коснулось чего-то глубоко спрятанного. На мгновение ему показалось, что он слышит детский смех, звонкий и радостный. Он попытался удержать этот звук. Но тот растворился. — Как её зовут? Доктор Хейл молчала несколько секунд. — Беатрис. Томас повторил имя. — Беатрис. И вдруг по его лицу потекла слеза. Он не знал, почему плачет. Не мог вспомнить девочку, не представлял её лица и не понимал, сколько ей лет. Но впервые с момента пробуждения он почувствовал не страх. Горе. Такое глубокое, что оно казалось старше его самого. — Где они? — спросил он. Доктор отвела взгляд. — Вам необходимо отдохнуть. — Где моя жена? — Томас… — Где моя дочь?! Голос сорвался, а боль вспыхнула с новой силой. Он закашлялся, попытался подняться, но левая рука не выдержала веса тела. Доктор немедленно позвала сестру. — Успокойтесь. Вы причиняете себе вред. — Где они?! — Я выясню, что можно сообщить вам

сейчас. Обещаю. Она вышла. Томас остался лежать, глядя на закрытую дверь. Он не помнил собственной жизни. Но уже знал, что потерял нечто, без чего не мог существовать. К вечеру дождь усилился. Сестра принесла бульон, помогла ему приподняться и осторожно поднесла ложку ко рту. Томасу было унизительно зависеть от чужих рук, но даже простое движение требовало таких усилий, что он не мог спорить. После еды он попросил зеркало. Ему принесли небольшое овальное зеркало в потемневшей серебряной оправе. Он долго рассматривал отражение. Мужчина лет тридцати пяти. Тёмные волосы, отросшие и неровно подстриженные. Глубокая бледность. Несколько дней щетины. Длинный шрам, начинающийся у виска и уходящий под волосы. Лицо было чужим. Но глаза… Он не знал, почему именно глаза заставляли его смотреть дольше всего. В них было что-то настороженное, почти испуганное. Словно отражение знало о нём больше, чем он сам. — Уберите, — сказал Томас. Сестра забрала зеркало. — Вам нужно поспать, сэр. Она погасила лампу у стены, оставив гореть только маленький ночник. Томас лежал в темноте и слушал дождь. Он пытался вспомнить свой дом. Запах кухни. Голос жены. Руки дочери. Ничего. Потом, когда сон уже начал затягивать его в беспокойную полудрёму, память наконец приоткрылась. Он увидел зелёный сад. Белую калитку. Женщину в светлом платье, стоявшую у крыльца. Она держала на руках маленькую девочку. Томас не видел их лиц, но знал, что любит их. Женщина подняла

голову. — Ты обещал, что вернёшься, — произнесла она. Он попытался ответить. Но между ними вдруг возникла стена дыма. Послышался грохот. Земля вздрогнула. Томас почувствовал сильнейший удар в голову и упал на колени. Женский голос превратился в крик. А затем он услышал мужской шёпот: — Если он выживет, всё будет потеряно. Томас резко открыл глаза. Сердце бешено колотилось. Он не знал, что именно увидел. Воспоминание ли это, кошмар или выдумка больного сознания. Но фраза осталась. Если он выживет, всё будет потеряно. Он повторил её несколько раз. Потом повернул голову к двери. За ней кто-то стоял. Томас слышал едва различимое дыхание. Тень заслоняла полоску света из коридора. — Кто там? — прошептал он. Тень не двигалась. — Сестра? Тишина. Затем ручка двери медленно повернулась. В палату вошёл мужчина в длинном чёрном пальто и высоком цилиндре. Он снял перчатки, аккуратно положил их на тумбочку и подошёл к кровати. Его лицо скрывала тень от газового рожка в коридоре. — Томас Эшфорд, — произнёс незнакомец. — Рад видеть, что вы наконец вернулись к нам. — Кто вы? — Старый знакомый. — Я вас не помню. — В этом-то и заключается ваше преимущество. Незнакомец достал из внутреннего кармана конверт и положил его на одеяло. — Что это? — То, что вам следовало получить много месяцев назад. — От кого? — От человека, который надеялся, что вы никогда не проснётесь. Томас почувствовал, как холодеют пальцы. — Где моя жена? Незнакомец замер. —

Элеонора? Услышав имя, Томас испытал странное ощущение. Будто в глубине сознания распахнулась дверь, за которой кто-то позвал его домой. — Да. Элеонора. Где она? Мужчина медленно наклонился к нему. — Если вы хотите найти свою жену, Томас, вам придётся вспомнить, что произошло в Лондоне перед вашим отъездом. — Я ничего не помню! — Именно поэтому вы ещё живы. Незнакомец выпрямился, надел перчатки и направился к двери. — Постойте! Он остановился. — Кто вы? Мужчина повернул голову. — Меня зовут мистер Рид. И если вам дорога жизнь вашей дочери, никому не показывайте этот конверт. Затем он вышел. Томас остался один. За окном гремел дождь, часы пробили одиннадцать, а в коридоре удалялись шаги человека, который знал его прошлое. Дрожащими пальцами Томас вскрыл конверт. Внутри лежала фотография. На ней была женщина с большими тёмными глазами, одетая в платье с высоким воротником. Рядом стояла маленькая девочка с лентой в волосах. Обе улыбались, глядя в объектив. На обороте было написано: «Элеонора и Беатрис. Лондон, июнь 1898 года». Под надписью стояла другая фраза, выведенная торопливым почерком: «Они солгали тебе о смерти твоей дочери». Томас долго смотрел на фотографию. Затем заметил ещё одну деталь. За спиной Элеоноры, в отражении оконного стекла, стоял мужчина. Его лица почти не было видно. Но на руке поблёскивал перстень с изображением льва. Томас не знал, кто этот человек. Не помнил, где видел перстень. Но когда

он коснулся фотографии, в голове раздался голос — тихий, отчётливый, словно кто-то произнёс слова прямо у его уха: — Убей его, Томас. Иначе он заберёт у тебя всё. Он выронил фотографию. Впервые с момента пробуждения Томас испугался не того, что забыл своё прошлое. Он испугался того, что однажды вспомнит его полностью. Конец первой главы. В следующей главе, «Чужое имя», Томас начнёт восстанавливать силы и получит доступ к своим военным документам. В них обнаружится странность: согласно официальному рапорту, его нашли на поле боя без личных вещей. Но при нём сохранился ключ от лондонского дома, а на бирке выгравирован адрес, которого не существует ни на одной карте города. И когда Томас попросит доктора Хейл помочь ему найти этот адрес, она впервые открыто откажется ему помогать.

Глава 2. Чужое имя

Лечебница Святого Варфоломея, графство Кент. Ноябрь 1899 года. К утру Томас Эшфорд понял три вещи. Первая: он не мог самостоятельно подняться с кровати. Вторая: его левая рука почти не слушалась, а попытка сесть вызывала головокружение и тошноту. Третья: мужчина по имени мистер Рид не приснился ему. Фотография лежала под подушкой. Томас несколько раз доставал её ночью, всматриваясь в лица женщины и девочки, словно от одного этого занятия могло вернуться прошлое. Элеонора. Беатрис. Он произносил эти имена шёпотом, надеясь, что однажды они переста-

нут быть просто словами. Но ничего не происходило. Только странная тяжесть в груди, возникавшая всякий раз, когда он смотрел на девочку. На рассвете за окном раздался колокольный звон. По мокрой дороге проехал экипаж, колёса которого громко застучали по камням. В коридоре хлопнула дверь, затем послышались голоса прислуги. Обычное утро. Мир продолжал жить так, будто ничего не случилось. Томас же чувствовал себя человеком, которого по ошибке оставили на чужой земле. Он осторожно вытащил фотографию из-под подушки и перевернул её. «Элеонора и Беатрис. Лондон, июнь 1898 года». Ниже шла надпись: «Они солгали тебе о смерти твоей дочери». Кто написал эти слова? Мистер Рид? Или кто-то другой, кто хотел, чтобы Томас поверил незнакомцу? Он не знал. Но одно было ясно: если девочка действительно умерла, зачем кому-то понадобилось скрывать правду? А если она жива, почему её мать исчезла? Томас закрыл глаза. В памяти возникло короткое видение: маленькая девочка сидит на полу возле камина и складывает из деревянных кубиков башню. Рядом лежит книга с картинками. Женский голос смеётся. — Осторожнее, Беа. Сейчас всё упадёт! Девочка поднимает голову. — Папа, смотри! Башня рушится. Звонкий смех. И затем — темнота. Томас резко открыл глаза. Он помнил не лицо девочки, не цвет её волос, не одежду. Он помнил её смех. Этого оказалось достаточно, чтобы по его щекам снова потекли слёзы. Доктор Маргарет Хейл пришла после восьми часов утра. Она принесла

папку с документами, поставила её на столик и внимательно осмотрела Томаса. — Как вы себя чувствуете? — Лучше. — Головная боль? — Есть. — Головокружение? — Когда пытаюсь двигаться. — Это ожидаемо. Вам потребуется время. Томас посмотрел на папку. — Там мои документы? — Да. — Я хочу их увидеть. Доктор сняла перчатки. — Я предполагала, что вы об этом попросите. — Тогда почему не принесли их раньше? — Потому что вчера вы едва могли произнести несколько слов. — А сегодня могу. Маргарет сдержанно улыбнулась. — Вижу. Она открыла папку. Сверху лежал лист с официальной печатью военного ведомства. Под ним находились медицинское заключение, несколько заполненных от руки формуляров и сложенный вдвое лист бумаги с потемневшими краями. Томас попытался приподняться. Доктор сразу заметила движение. — Не спешите. Я пододвину столик. Она переложила документы ближе к кровати. — Ваше имя — Томас Эдвард Эшфорд. Вам тридцать четыре года. Вы родились в Лондоне, в приходе Сент-Панкрас. До поступления на военную службу работали чертёжником в архитектурной конторе. — Какой именно? Маргарет заглянула в бумаги. — «Харгривз и сыновья». Улица Грейс-Инн, дом двадцать семь. Томас медленно повторил адрес. Улица. Дом. Название конторы. Ни одно слово не пробудило воспоминаний. — Дальше. — Вы поступили на службу весной тысяча восемьсот девяносто девятого года. Были отправлены в Южную Африку. Во время боевого столкновения полу-

чили тяжёлое ранение головы. После первоначальной помощи вас доставили на медицинский пункт, затем перевезли в Англию. — Кто меня нашёл? — В рапорте указано, что вас обнаружили после окончания боя. — Кто именно? Доктор провела пальцем по строкам. — Имя не указано. — А кто доставил меня на корабль? — Здесь сказано, что вы находились в составе группы раненых. Томас сжал край одеяла. — Значит, никто не знает, как я получил ранение? — Обстоятельства описаны неполно. — Это не то же самое, что неизвестны. Маргарет подняла глаза. — Нет. Не то же самое. Он посмотрел на неё внимательнее. — Вы тоже заметили странности в этих документах? Доктор закрыла папку. — Я заметила, что они составлены небрежно. Но это военные бумаги, мистер Эшфорд. Иногда в них встречаются ошибки. — А иногда? — Иногда приходится искать ответы дольше, чем хотелось бы. Томас почувствовал, что разговор подходит к концу. Но он не собирался отпускать её. — Я хочу знать, где находится моя семья. Маргарет опустила взгляд. — Мы можем отправить запрос в Лондон. — Почему не сделали этого раньше? — Мы пытались установить ваши контакты. Однако… — Однако что? Она достала из папки отдельный лист. — Согласно сведениям, полученным из приходской книги, ваша дочь, Беатрис Эшфорд, умерла в феврале прошлого года. Томас перестал дышать. — Нет. — Мне жаль. — Нет, — повторил он. — Этого не может быть. — Запись официальная. — Я видел её фотографию. Доктор застыла. Томас мед-

ленно достал снимок из-под подушки и протянул ей. Маргарет взяла фотографию. Сначала она посмотрела на изображение. Затем перевернула его и прочла надпись на обороте. Её лицо изменилось. Совсем немного. Но Томас заметил. — Что вы знаете? — спросил он. — Ничего. — Вы лжёте. — Мистер Эшфорд… — Вы посмотрели на эту фотографию так, будто уже видели её. Маргарет положила снимок на столик. — Я видела множество семейных фотографий. — Тогда почему побледнели? Доктор молчала. Томас почувствовал, что впервые за долгое время у него появилось преимущество. Он не знал собственного прошлого, но умел наблюдать за людьми. Это знание, казалось, сохранилось даже после травмы. — Кто такой мистер Рид? — спросил он. Маргарет резко подняла голову. — Как вы сказали? — Мужчина, который приходил ночью. Он принёс фотографию. — Никто не должен был посещать вас ночью. — Значит, вы его не знаете? — Я этого не говорила. В комнате стало тихо. Маргарет подошла к окну, отодвинула занавеску и посмотрела на дорожку перед лечебницей. — Вы должны понимать одну вещь, Томас. В вашем состоянии некоторые события могут казаться совершенно реальными, даже если память искажает их. — Вы хотите сказать, что я выдумал визит? — Я хочу сказать, что нам следует действовать осторожно. — Тогда объясните, почему ваша рука дрожит. Доктор посмотрела на свои пальцы. Они действительно дрожали. Она медленно сжала ладонь в кулак. — Отдыхайте, мистер Эшфорд.

— Вы не ответили на мои вопросы. — И не отвечу, пока не буду уверена, что это не повредит вам. Она забрала папку, оставив фотографию. У самой двери остановилась. — И ещё одно. Если кто-нибудь снова придёт к вам без разрешения персонала, немедленно позовите сестру. — Даже если это будет мистер Рид? Маргарет посмотрела на него. — Особенно если это будет мистер Рид. Дверь закрылась. Томас долго не двигался. Теперь у него было два человека, которые явно знали больше, чем говорили. И оба советовали ему быть осторожным. К полудню его перевели в небольшую комнату на первом этаже, ближе к кабинету врача. Доктор Хейл объяснила, что так будет удобнее наблюдать за его состоянием. На самом деле Томасу казалось, что за ним следят. В комнате стояла узкая кровать, деревянный шкаф, письменный стол и кресло с продавленным сиденьем. Окно выходило в сад, окружённый кирпичной стеной. За ней виднелась дорога, по которой иногда проезжали экипажи. На столике оставили чернильницу, перо и несколько листов бумаги. Томас долго смотрел на них. Потом взял перо правой рукой. Пальцы дрожали, и первые линии получились неровными. Но постепенно рука стала увереннее. Он написал: Томас Эдвард Эшфорд. Посмотрел на имя. Затем ниже: Элеонора. Перо остановилось. Он попытался написать фамилию жены, но не смог. Знал ли он её девичью фамилию? Была ли она дочерью богатого купца, как предполагала доктор, или происходила из такой же простой семьи, как он сам? Он не помнил. То-

мас отложил перо и прикрыл глаза. В голове вспыхнул образ: женщина стоит у камина, держа в руках письмо. Её плечи напряжены, губы плотно сжаты. — Ты не понимаешь, что они способны сделать, — говорит она. Он слышит собственный голос: — Я не могу просто закрыть глаза. — Тогда они уничтожат нас обоих. Образ исчез. Томас открыл глаза и резко вдохнул. Нас обоих. Кто такие «они»? И что он собирался сделать? Он снова взял перо и записал всё, что помнил: зелёный сад, белую калитку, детский смех, женщину у камина, мужской голос на поле боя. В конце страницы добавил: «Я не знаю, кем был. Но кто-то боится, что я вспомню». Он перечитал написанное. Почерк казался незнакомым, но буквы получались удивительно уверенными. Возможно, работа чертёжника научила его контролировать руку даже тогда, когда сознание отказывалось сотрудничать. Томас сложил лист и спрятал его в ящик стола. Затем заметил, что в замке ящика уже торчит маленький латунный ключ. Он был старым, потемневшим, с круглой головкой и выцарапанными цифрами. 317. Томас взял ключ. Холодный металл лёг в ладонь так естественно, словно он держал его тысячу раз. И в ту же секунду перед глазами возникло новое воспоминание. Лондон. Ночной туман. Узкая лестница, ведущая вниз, под землю. Человек в чёрном пальто протягивает ему ключ. — Третий ящик, семнадцатая ячейка. Если со мной что-нибудь случится, забери документы. — А если я не успею? — Тогда не пытайся вспомнить меня. Человек поднимает голову. То-

мас видит его лицо. И узнаёт. Но прежде чем память успевает закрепить образ, воспоминание рассыпается, оставляя лишь ощущение ужаса. Томас выронил ключ. Он ударился о пол и отлетел под кровать. Несколько секунд мужчина не мог пошевелиться. Потом медленно спустил ноги с постели. Пол оказался холодным. Голова закружилась, перед глазами поплыли тёмные пятна. Он ухватился за край стола и попытался подняться. Колени дрожали. Левая нога почти не слушалась. Но он не остановился. Ему необходимо было достать ключ. Он опустился на одно колено, потянулся под кровать и нащупал металл кончиками пальцев. В этот момент дверь открылась. — Мистер Эшфорд! Томас попытался обернуться, потерял равновесие и рухнул на бок. Боль вспыхнула в голове. К нему бросилась сестра, следом вошла доктор Хейл. — Что вы делаете? — воскликнула Маргарет. — Вы могли снова повредить себя! Томас лежал на полу, тяжело дыша. В правой руке он сжимал ключ. — Откуда он у вас? — спросила доктор. Он поднял на неё глаза. — Из моего стола. Маргарет посмотрела на сестру. — Я просила не оставлять здесь посторонние предметы. — Я ничего не приносила, доктор. — Тогда откуда он взялся? Томас почувствовал, что они обе смотрят на ключ так, словно перед ними лежит не кусок металла, а заряженный пистолет. Он медленно разжал пальцы. На латунной головке отчётливо виднелись цифры. 317. Маргарет побледнела. На этот раз она даже не попыталась скрыть свой страх. — Где вы его нашли? — прошептала она. — Я

уже сказал. — Нет. Кто дал его вам? — Я не знаю. Доктор опустилась на колени рядом с ним. — Томас, послушайте меня очень внимательно. Вы должны отдать мне этот ключ. — Почему? — Потому что он не должен был оказаться здесь. — Что он открывает? Маргарет не ответила. — Что открывает этот ключ? Она посмотрела на сестру. — Оставьте нас. — Но, доктор… — Сейчас же. Сестра вышла. Маргарет помогла Томасу подняться на кровать, поправила одеяло и только после этого заговорила. — Есть вещи, о которых вам пока лучше не знать. Томас горько усмехнулся. — Вы все говорите одно и то же. — Потому что это правда. — Нет, доктор. Правда заключается в том, что я потерял память, а люди вокруг меня боятся даже маленького ключа. Он протянул ей руку. — Я хочу знать, что произошло со мной. Маргарет долго смотрела на него. Затем произнесла почти неслышно: — Этот ключ принадлежал человеку, которого вы должны были забыть. Томас почувствовал, как холодеет спина. — Кому? Доктор закрыла глаза. — Вашему брату. Мир словно остановился. — У меня есть брат? — Был. — Что значит «был»? Маргарет поднялась. — Его звали Эдвард Эшфорд. Он умер три года назад. Томас смотрел на неё, не в силах произнести ни слова. Брат. У него был брат. Человек, которого он, судя по всему, должен был забыть. — Как он умер? Доктор подошла к двери. — Вам необходимо отдыхать. — Маргарет! Он впервые назвал её по имени. Она остановилась. — Как умер мой брат? Доктор обернулась. — Его нашли в Темзе. Затем

вышла из комнаты. Томас остался один. Он посмотрел на ключ, который Маргарет так и не забрала. На этот раз он не чувствовал страха. Он чувствовал ярость. Потому что, возможно, впервые за всё время после пробуждения понял: его прошлое не исчезло само собой. Кто-то методично отрезал от него один кусок жизни за другим. И если у него действительно был брат, умерший при загадочных обстоятельствах, значит, история началась задолго до войны. Вечером, когда лечебница погрузилась в тишину, Томас услышал скрип двери. Он лежал неподвижно, притворяясь спящим. Шаги приблизились к кровати. Кто-то осторожно выдвинул ящик стола, затем закрыл его. Томас приоткрыл глаза. В комнате стоял мужчина в чёрном пальто. Мистер Рид. Он держал в руке латунный ключ. — Я предупреждал вас, Томас, — прошептал он. — Не показывайте его никому. Томас медленно сел. — Вы знаете моего брата? Рид замер. — Кто рассказал вам об Эдварде? — Доктор Хейл. Незнакомец выругался себе под нос. — Чёртова женщина… — Как он умер? Рид подошёл к окну и выглянул в сад. — Если хотите дожить до весны, вам лучше перестать задавать этот вопрос. — Я хочу знать правду. — Правда погубила вашего брата. — Тогда почему вы пришли ко мне? Мистер Рид повернулся. Впервые Томас увидел его лицо в свете лампы. Мужчина был старше сорока, с тонкими губами и глубоко посаженными глазами. На правой щеке у него проходил старый шрам. Но не шрам заставил Томаса похолодеть. Он узнал глаза. Те самые гла-

за, которые видел в воспоминании у подземной лестницы. — Потому что, — сказал Рид, — ваш брат оставил вам кое-что перед смертью. Он положил ключ на стол. — И теперь, когда вы вернулись, за этим кое-чем начнут охотиться. — Кто? Рид посмотрел на дверь. — Люди, которые убили Эдварда. В коридоре послышались шаги. Рид резко повернулся к Томасу. — Завтра утром вы попросите доктора Хейл выписать вас. Не спорьте с ней. Не задавайте вопросов. Просто уходите. — Но я не могу даже ходить! — Тогда научитесь. — А моя жена? Моя дочь? На лице Рида промелькнуло странное выражение. — Если хотите найти их живыми, Томас, у вас нет другого выбора. Он направился к двери. — Подождите! Рид остановился. — Что откроет ключ? Мужчина обернулся в последний раз. — Ячейку номер триста семнадцать на вокзале Чаринг-Кросс. Он вышел. Томас остался сидеть в темноте, сжимая ключ. За окном бился о стекло холодный ноябрьский дождь. Впервые он знал, куда должен идти. Но прежде чем добраться до Лондона, ему предстояло научиться заново управлять собственным телом. А где-то там, среди тумана, старых улиц и газовых фонарей, его уже ждали люди, которые не хотели, чтобы он вернулся. Конец второй главы. В третьей главе — «Первые шаги» — Томас начнёт тяжёлую реабилитацию, попытается снова ходить и узнает, что в его медицинской карте есть запись, сделанная за несколько дней до того, как он впервые открыл глаза. Подпись под ней принадлежит человеку, который, согласно официальным доку-

ментам, умер три года назад.

Глава 3. Первые шаги

Кент, Англия. Ноябрь 1899 года. Утром Томас Эдвард Эшфорд проснулся от звука дождя. Капли мерно ударяли по оконному стеклу, словно кто-то снаружи терпеливо отсчитывал секунды. За окном стоял серый ноябрьский рассвет. Голые ветви деревьев тянулись к небу, похожие на пальцы утопленников, а дорожки сада блестели под тонким слоем воды. Несколько мгновений Томас не мог вспомнить, где находится. Потом память вернула ему белые стены палаты, запах карболки и лицо человека в чёрном пальто. Мистер Рид. Ключ с номером 317. Лондон. И самое страшное — слова, которые до сих пор звучали у него в голове: Они солгали тебе о смерти твоей дочери. Томас медленно повернул голову к тумбочке. Ключ лежал там, где он оставил его ночью. Маленький, потемневший от времени, с тремя цифрами, выбитыми на плоской головке. Рядом лежала фотография Элеонор и Беатрис. Он взял снимок обеими руками. Жена смотрела прямо в объектив. Её губы тронула едва заметная улыбка, но глаза оставались серьёзными. Девочка прижималась к ней плечом и держала в руках маленькую куклу с фарфоровым лицом. Томас провёл пальцем по изображению дочери. — Кто ты? — прошептал он. Вопрос прозвучал так нелепо, что он сам поморщился. Он знал имя девочки. Знал, что она его дочь. Знал, что должен был любить её сильнее все-

го на свете. Но внутри было пусто. Не холодно, не больно — именно пусто. Будто кто-то вынул из него целую жизнь, оставив только оболочку, которая ещё умела дышать. Томас перевернул фотографию. На обороте стояла дата: 17 июня 1898 года. Он уже видел её вчера, но теперь цифры приобрели другой смысл. Согласно церковной записи, Беатрис умерла в феврале того же года. Значит, либо запись была ложной, либо фотография. Или же существовало объяснение, которое Томас пока не мог себе представить. Он спрятал снимок под подушку, а ключ зажал в ладони. Сегодня ему предстояло встать на ноги. В буквальном смысле. И впервые за долгое время он не был уверен, что справится. Доктор Маргарет Хейл пришла в палату в половине девятого. На ней было тёмное платье с высоким воротником, а волосы, собранные на затылке, казались почти чёрными в утреннем свете. Она несла медицинскую карту и небольшую кожаную сумку. — Доброе утро, мистер Эшфорд. — Если это доброе утро, боюсь представить, каким бывает дурное. Маргарет слегка улыбнулась. — Сарказм вернулся раньше, чем способность ходить. Это обнадёживает. — Значит, вы собираетесь заставить меня ходить? — Я собираюсь предложить вам попробовать. — А если я откажусь? — Тогда мы попробуем завтра. Томас посмотрел на неё с подозрением. — Вы всегда так терпеливы с пациентами? — Нет. Некоторые из них слишком любят спорить. — А некоторые задают слишком много вопросов? Улыбка исчезла с её лица. Томас заметил это сра-

зу. — Я хочу поговорить о моём брате, — сказал он. Маргарет застегнула ремешок сумки. — Мы уже говорили об Эдварде. — Вы сказали, что он утонул три года назад. Но вчера мистер Рид сообщил, что перед смертью мой брат оставил мне нечто важное. — Мистер Рид не врач. — Зато, похоже, знает о моей жизни больше, чем врач. Несколько секунд они смотрели друг на друга. За дверью послышались шаги. Кто-то прокатил по коридору тележку с посудой. — Вам необходимо восстановить силы, — наконец сказала Маргарет. — Когда вы сможете самостоятельно передвигаться, мы обсудим выписку. — Это не ответ. — Другого у меня пока нет. Она направилась к двери. — Доктор Хейл. Маргарет остановилась. — Если мой брат действительно умер три года назад, почему вы побледнели, когда я показал вам его ключ? На этот раз она не стала оборачиваться. — Потому что некоторые вещи лучше оставлять похороненными, мистер Эшфорд. Дверь закрылась. Томас долго смотрел на неё. Затем медленно разжал ладонь. На коже остался красный след от зубцов ключа. К десяти часам в палату пришёл санитар по имени Уилкинс. Это был широкоплечий мужчина лет пятидесяти с тяжёлыми руками и седыми бакенбардами. Он говорил мало, двигался осторожно и относился к Томасу с тем уважением, которое обычно оказывают человеку, способному в любой момент упасть и сломать себе шею. — Доктор велела поставить вас на ноги, сэр. — Как будто я мебель. — Мебель, по крайней мере, не ругается, когда её передви-

гают. Томас невольно усмехнулся. Уилкинс откинул одеяло и помог ему сесть. Мир тут же накренился. В ушах загудело. Перед глазами поплыли тёмные пятна, а желудок сжался так резко, что Томас едва успел наклониться над краем кровати. — Спокойно, сэр. Не торопитесь. — Я не тороплюсь. — Тогда вы, должно быть, просто падаете. — Весьма утешительно. Санитар подождал, пока головокружение утихнет, затем помог Томасу опустить ноги на пол. Холодные доски коснулись босых ступней. Томас замер. Это было странное ощущение — чувствовать собственное тело и одновременно не узнавать его. Ноги казались слишком тяжёлыми, руки дрожали, а каждый вдох требовал усилия. Он посмотрел на свои колени. — Сколько времени я провёл без сознания? — Несколько недель, сэр. А до того, судя по бумагам, вас долго перевозили с места на место. — И никто не знает, что произошло? Уилкинс поправил одеяло. — Я знаю только то, что мне велели знать. Томас поднял голову. — А что вам велели не знать? Санитар посмотрел на него с неожиданной серьёзностью. — Советую вам, сэр, не задавать таких вопросов людям, которые не могут позволить себе потерять работу. Он произнёс это тихо, почти виновато. И Томас понял: дело было не только в докторе Хейл. Здесь боялись. Не его состояния, не его памяти и даже не возможного безумия. Боялись того, что он мог вспомнить. — Хорошо, Уилкинс, — сказал Томас. — Тогда займёмся тем, ради чего вы пришли. Он упёрся ладонями в край кровати. Попытал-

ся подняться. Ноги не подчинились. Первый раз он даже не смог оторвать себя от матраса. На второй попытке его тело качнулось вперёд, но колени подогнулись. Уилкинс удержал его под мышками и не дал рухнуть на пол. Томас стиснул зубы. — Ещё раз. — Сэр, вам не следует— — Ещё раз. В третий раз он поднялся. На мгновение ему показалось, что он стоит посреди огромного пространства, а пол под ногами медленно уходит вниз. Руки вцепились в плечи санитара. Дыхание стало частым и поверхностным. Но он стоял. Сам. Почти целую секунду. Затем колени дрогнули. Уилкинс осторожно опустил его обратно на кровать. Томас сидел, закрыв глаза. По вискам стекал пот. — Долго я ещё буду таким беспомощным? — спросил он. — Не знаю, сэр. — Прекрасно. В этом заведении, похоже, никто ничего не знает. — Не совсем так, — неожиданно ответил санитар. Томас открыл глаза. Уилкинс уже собирал одеяло. — Что вы имеете в виду? — Я имею в виду, что некоторые знают слишком много. Он направился к двери. — Уилкинс! Санитар остановился. — Вы видели мистера Рида? Мужчина не сразу ответил. — Нет, сэр. — Он приходил ко мне ночью. — Я знаю. Томас почувствовал, как по спине пробежал холод. — Откуда? Уилкинс медленно повернулся. — Потому что в ту ночь я дежурил у входа. И когда утром проверял записи, обнаружил, что никто не отмечал его прихода. — Может быть, вы забыли? — Может быть, сэр. Но по выражению его лица Томас понял: Уилкинс не верил собственным словам. Или не хотел,

чтобы Томас поверил им. После полудня Томас смог пройти несколько шагов между кроватью и окном. Это потребовало почти получаса, двух остановок и ругательств, которые заставили Уилкинса заметить, что прежняя жизнь пациента, по всей видимости, не была особенно благочестивой. К вечеру Томас уже мог стоять, держась за спинку стула. Он был измотан. Каждая мышца болела, голова гудела, а в глазах стояла мутная пелена. Но впервые с момента пробуждения он почувствовал нечто похожее на удовлетворение. Его тело ещё принадлежало ему. Пусть ненадолго. Пусть с трудом. Но принадлежало. Когда Уилкинс ушёл за ужином, Томас решил воспользоваться одиночеством. Ему нужно было найти медицинскую карту. Не ту, которую доктор Хейл показывала ему во время бесед, а полную историю болезни — с датами, записями, именами и подписями. Если кто-то пытался скрыть правду, следы должны были остаться на бумаге. Он добрался до двери, опираясь на стул, и выглянул в коридор. Пусто. В конце коридора находилась небольшая комната, где хранились книги учёта и документы пациентов. Томас видел её раньше: дверь обычно оставляли приоткрытой, а на стене рядом висела табличка с надписью «Архив». Он сделал несколько шагов. Потом ещё несколько. Коридор казался бесконечным. Каждый шаг отзывался болью в голове, но Томас продолжал двигаться, держась за стену. Когда он добрался до архива, на лбу у него выступил холодный пот. Дверь оказалась незапертой. Внутри пахло пылью, ста-

рой бумагой и чернилами. У стены стояли шкафы с картотеками, на столе лежала стопка журналов, а возле окна находилась железная печь. Томас закрыл за собой дверь. Он не знал, что именно ищет. Поэтому начал с самого простого — с журнала поступления пациентов. Толстая книга была переплетена в тёмно-коричневую кожу. На обложке золотыми буквами значилось: St Bartholomew's Convalescent Institution. Register of Admissions. Томас нашёл ноябрьские записи. Его имя стояло на странице, почти в самом низу. Эшфорд, Томас Эдвард. Возраст: 34 года. Военнослужащий. Черепно-мозговое повреждение. Потеря памяти. Доставлен из госпиталя в Саутгемптоне. Он провёл пальцем по строчке. Ниже была указана дата поступления. А рядом — дата, когда он впервые открыл глаза. Томас нахмурился. Он не знал, чего ожидал увидеть, но следующие строки заставили его сердце забиться чаще. Дополнительная запись. Состояние пациента без существенных изменений. Разрешить посещение только медицинскому персоналу и лицам, имеющим письменное согласие доктора Хейл. Дата: 14 ноября 1899 года. Томас перевёл взгляд на следующую строку. В случае восстановления сознания немедленно уведомить доктора Хейл. Не сообщать пациенту сведения, касающиеся дела Эшфорда, до получения дальнейших распоряжений. Под записью стояла подпись. Томас не сразу понял, что именно его насторожило. Он перечитал её. Затем ещё раз. Эдвард Эшфорд. Имя его брата. Человека, который, согласно словам доктора Хейл,

был мёртв уже три года. Томас медленно опустился на стул. За окном ветер ударил в стекло. Пламя в печи дрогнуло, и по стене прошла длинная тень. Он снова посмотрел на дату. Четырнадцатое ноября. Его сознание, как ему сказали, вернулось лишь накануне. Но запись была сделана за несколько дней до этого. Значит, кто-то заранее распорядился, что делать, когда он проснётся. Кто-то знал, что он очнётся. И этот кто-то подписался именем мёртвого брата. Томас перевернул страницу. На следующем листе находилась ещё одна запись, сделанная тем же почерком. Пациент может представлять опасность для лиц, связанных с событиями в Лондоне. В случае попытки самостоятельного ухода немедленно сообщить доктору Хейл. Внизу стояли инициалы: Е. А. Томас почувствовал, как в груди нарастает тяжесть. — Что же ты сделал? — прошептал он. Он не знал, обращается ли к брату или к самому себе. — Мистер Эшфорд? Голос прозвучал за спиной. Томас резко обернулся. В дверях стояла доктор Хейл. Она не повышала голоса. Не выглядела удивлённой. В её руках была медицинская карта, а на лице застыло выражение человека, который наконец обнаружил то, чего давно опасался. — Вам следует вернуться в палату. Томас медленно поднялся, держась за стол. — Это подпись моего брата? Маргарет посмотрела на раскрытый журнал. Впервые с момента их знакомства она потеряла самообладание. Всего на секунду, но Томас успел заметить, как побледнело её лицо. — Где вы нашли эту книгу? — Здесь. В архиве. Удивитель-

но, не правда ли? Он указал на страницу. — Вы говорили, что Эдвард умер три года назад. — Так и есть. — Тогда почему он подписал документ за несколько дней до моего пробуждения? Маргарет подошла к столу и закрыла журнал. — Вы не должны были это читать. — Это не ответ. — Томас, послушайте меня. Она впервые назвала его по имени. — Я пытаюсь помочь вам восстановиться. Ваше состояние крайне тяжёлое. Вы перенесли серьёзную травму головы, долгое время находились без сознания, и теперь ваше восприятие действительности может быть нарушено. — Вы хотите сказать, что я придумал эту подпись? — Нет. — Что я перепутал дату? — Нет. — Тогда объясните мне, почему мой мёртвый брат распоряжается моей жизнью из могилы. Маргарет молчала. За окном ударил гром. Томас смотрел на неё, ожидая ответа, но она лишь положила ладонь на закрытый журнал. — Некоторые документы составлялись задним числом, — наконец произнесла она. — Возможно, здесь допущена ошибка. — И вы сами верите в то, что говорите? Она отвела взгляд. Этого оказалось достаточно. Томас попытался обойти стол, но ноги подвели его. Он ухватился за край мебели, с трудом удержавшись на месте. Маргарет шагнула к нему. — Вам нельзя так перенапрягаться! — Не трогайте меня. — Вы упадёте. — Тогда, по крайней мере, это будет моё собственное падение. Она остановилась. В её глазах мелькнуло что-то похожее на боль. — Вы всегда были таким упрямым, — тихо сказала она. Томас замер. — Что вы сказали? Маргарет

поняла, что выдала себя. — Я сказала, что вы ведёте себя упрямо. — Нет. Вы сказали: «Всегда». Он сделал шаг к ней. — Вы знали меня раньше? — Разумеется. Вы находились здесь несколько недель. — До этого. — Томас… — Вы знали меня до того, как я попал в этот госпиталь? Она не ответила. И в этой тишине Томас услышал то, чего боялся больше всего. Не ложь. Не признание. А подтверждение того, что его прошлое было известно окружающим куда лучше, чем ему самому. Доктор Хейл отвела его обратно в палату. На этот раз Томас не сопротивлялся. Он слишком устал, чтобы спорить, а голова болела так сильно, что каждый шаг сопровождался вспышками света перед глазами. Когда он лёг, Маргарет проверила его пульс и велела принести лекарство. — Вы должны отдыхать, — сказала она. — А вы должны говорить правду. Она не ответила. Перед уходом доктор задержалась у двери. — Мистер Эшфорд, если ночью к вам снова придёт тот человек в чёрном пальто, не разговаривайте с ним. Томас медленно повернул голову. — Почему? — Потому что он не тот, за кого себя выдаёт. — А кто он? Маргарет сжала ручку двери. — Я не знаю. Но произнесла это так, словно знала гораздо больше, чем хотела признать. Дверь закрылась. Томас остался один. Он вытащил из-под подушки фотографию, затем достал ключ с номером 317. Казалось, эти две вещи были единственным, что связывало его с прежней жизнью. Он положил их рядом. И вдруг заметил нечто странное. На краю фотографии, почти у самой рамки, отражалась рука мужчи-

ны. Раньше Томас не обратил на неё внимания, но теперь увидел на пальце крупное кольцо. Перстень с изображением льва. Тот самый знак, который мелькал в его воспоминаниях. Томас поднёс снимок к окну, пытаясь разглядеть детали. Фотография была старой, зернистой, и лицо мужчины оставалось неразличимым. Но рука была видна достаточно хорошо. На безымянном пальце блестел перстень. Томас закрыл глаза. И память ударила по нему с силой, от которой он едва не закричал. Он стоял в комнате, освещённой лампой. За окном шумел дождь. На столе лежали бумаги, испачканные чернилами. Кто-то ходил по комнате, и каждый шаг отдавался глухим стуком. — Ты обещал, что с ними ничего не случится, — сказал Томас. Его собственный голос. Но звучал он иначе — громче, увереннее, почти яростно. — Я обещал сохранить то, что ты любишь, — ответил незнакомец. — Это не одно и то же. — Где Элеонор? Молчание. Затем голос произнёс: — Ты должен забыть её. Томас увидел руку. На пальце был перстень с львом. Он попытался разглядеть лицо мужчины, но свет лампы погас. В темноте раздался детский плач. — Папа? Томас бросился на звук. — Беатрис! Он услышал собственные шаги, скрип двери, чей-то крик. А потом — оглушительный взрыв. Томас очнулся, судорожно хватая воздух. Фотография выпала из его рук. Он лежал на кровати, весь мокрый от пота. Сердце билось так сильно, что казалось, ещё немного — и оно разорвёт грудную клетку. В коридоре послышались быстрые шаги. Дверь распахнулась, и на пороге

появилась доктор Хейл. — Что случилось? Томас не мог ответить. Он смотрел на фотографию, лежавшую на полу. На мужчину с перстнем. На женщину, которую не мог вспомнить. На ребёнка, которого, возможно, похоронили живым в чужой лжи. — Я вспомнил, — наконец прошептал он. Маргарет подошла ближе. — Что именно? Томас поднял на неё глаза. — Я не знаю. Он сглотнул. — Но я думаю, что убил кого-то. Лицо доктора стало совершенно неподвижным. И в этот момент Томас понял: она не удивилась. Она уже знала. Вечером дождь прекратился. Томас лежал неподвижно, притворяясь спящим. После случившегося доктор Хейл приказала не оставлять его одного и велела санитару дежурить у двери. Но примерно в одиннадцать часов шаги в коридоре стихли. Затем раздался тихий стук. Один раз. Пауза. Ещё два раза. Томас открыл глаза. Дверь медленно приоткрылась. В палату вошёл мистер Рид. Чёрное пальто было застёгнуто до самого горла. В руке он держал трость с серебряной рукоятью. — Вы не послушались доктора, — прошептал Томас. — Доктора Хейл следует слушаться только тогда, когда она говорит правду. Рид подошёл к кровати и посмотрел на фотографию. — Вы нашли запись? Томас почувствовал, как внутри всё напряглось. — Откуда вы знаете? — Потому что именно ради неё я и пришёл. — Вы знали, что мой брат подписал эти документы? Рид некоторое время молчал. — Ваш брат был мёртв не в том смысле, в каком вы привыкли понимать это слово. Томас попытался сесть. — Что это значит?

— Это значит, что три года назад в Темзе нашли тело. На нём были документы Эдварда Эшфорда. Лицо было сильно повреждено. Опознание провели слишком поспешно. — Вы хотите сказать, что это мог быть не он? — Я хочу сказать, что ваш брат мог умереть три года назад. А мог и не умереть. — Где его искать? Рид посмотрел на дверь. — В Лондоне. — В камере хранения 317? — Там вы найдёте первое доказательство. Но не ждите, что оно принесёт вам облегчение. Томас сжал край одеяла. — Кто мужчина с перстнем? На лице Рида впервые появилось что-то похожее на страх. — Вы его вспомнили? — Только руку. И взрыв. Рид резко наклонился к нему. — Вы должны прекратить вспоминать. — Почему? — Потому что ваша память — не единственное, что возвращается. В коридоре скрипнула половица. Рид замолчал. Они оба повернули головы к двери. За ней кто-то стоял. Томас услышал тихое дыхание. Затем голос доктора Хейл: — Мистер Рид. Я знаю, что вы там. Рид выпрямился. — Когда доберётесь до Лондона, — быстро прошептал он Томасу, — никому не показывайте фотографию. И особенно берегитесь человека, который назовёт вас старым другом. — Кто он? Но Рид уже направился к окну. — Подождите! Томас попытался подняться, однако тело не подчинилось. Он лишь успел увидеть, как мужчина распахнул створку и исчез в темноте. Через секунду дверь открылась. Доктор Хейл стояла на пороге с лампой в руке. Она посмотрела на открытое окно, затем на Томаса. — Он был здесь? Томас ничего не

ответил. Маргарет подошла к окну и закрыла его. — Вы не понимаете, что делаете, — сказала она, не оборачиваясь. — Этот человек погубит вас. — А если он единственный, кто может спасти мою семью? Доктор медленно повернулась. — Ваша семья погибла, Томас. — Тогда почему вы так боитесь, что я её найду? Маргарет побледнела. На этот раз она не стала отрицать очевидное. Она лишь поставила лампу на стол и произнесла едва слышно: — Потому что, если вы узнаете правду о Беатрис, вы поймёте, что всё это время искали не того человека. Томас почувствовал, как холодеют пальцы. — Кого же я должен искать? Но доктор Хейл уже вышла из палаты. И прежде чем дверь закрылась, Томас успел заметить в её руке небольшой лист бумаги. Лист с гербовой печатью. И подписью, которую он уже видел в архиве. Эдвард Эшфорд. Конец третьей главы. В следующей главе — «Ключ от Лондона». Томас добьётся выписки и отправится на вокзал Чаринг-Кросс. В камере хранения № 317 его будет ждать посылка, оставленная братом. Но внутри окажется не письмо с объяснениями, а вещь, которую Томас узнает, хотя не сможет вспомнить, откуда она ему знакома.

Глава 4. Ключ от Лондона

Кент — Лондон, Англия. Ноябрь 1899 года. Томас Эдвард Эшфорд покинул лечебницу под дождём. Утро выдалось холодным. Низкие облака нависали над полями Кента, а ветер гнал по дороге жёлтые листья, смешивая их с грязью и мел-

кими камнями. У ворот стоял экипаж, запряжённый парой гнедых лошадей. Кучер, укрывшись от дождя широким плащом, курил короткую трубку и с безразличием наблюдал за тем, как санитар выносит из здания небольшой дорожный саквояж. Томас держался за трость. Ещё три дня назад он не мог самостоятельно подняться с кровати. Теперь ему удавалось пройти несколько десятков шагов без посторонней помощи, хотя после каждого такого усилия мир начинал покачиваться, словно палуба корабля во время шторма. Доктор Хейл стояла на верхней ступени крыльца. — Вы не готовы к поездке, — сказала она. — По вашим расчётам, мне потребуется ещё месяц? — Возможно, больше. — Тогда я тем более не могу оставаться. Маргарет нахмурилась. — Вы полагаете, что Лондон ответит на все ваши вопросы? — Нет. Но, по крайней мере, там вопросы будут моими. Он уже собирался спуститься с крыльца, когда она протянула ему сложенный лист бумаги. — Это направление к врачу в Лондоне. Доктор Уолтерс работает неподалёку от Рассел-сквер. Если головные боли усилятся или вы снова потеряете сознание, обратитесь к нему. Томас взял бумагу. — Вы действительно хотите, чтобы я выздоровел? — Разумеется. — Тогда скажите мне правду об Эдварде. Маргарет долго смотрела на него. — Когда-то я думала, что правда способна спасти человека, — произнесла она наконец. — Теперь я знаю, что иногда она просто выбирает, кого убить первым. — Это не ответ. — Другого я вам не дам. Томас спрятал бумагу в карман

пальто. — Тогда нам больше не о чем говорить. Он спустился по ступеням. На последней ступеньке его нога подвернулась, и он едва не упал. Кучер бросился на помощь, но Томас отмахнулся от него. Он сам добрался до экипажа и забрался внутрь. Прежде чем кучер захлопнул дверцу, Томас оглянулся. Маргарет всё ещё стояла на крыльце. Она не смотрела на него. Она смотрела на дорогу за воротами. Будто ожидала увидеть кого-то ещё. Поезд отправлялся из ближайшей станции в Лондон в десять часов двадцать минут. Томас сидел у окна вагона второго класса, сжимая в кармане пальто латунный ключ с номером 317. В купе находились ещё трое пассажиров: пожилой священник, дремавший над газетой, женщина с корзиной и молодой офицер в форме, возвращавшийся, судя по нашивкам, из отпуска. Газета священника соскользнула ему на колени. На первой полосе крупными буквами было напечатано: ВОЙНА В ЮЖНОЙ АФРИКЕ. БРИТАНСКИЕ ВОЙСКА ПРОДОЛЖАЮТ НАСТУПЛЕНИЕ. Томас прочитал заголовок дважды. Южная Африка. Бурская война. Он знал, что находился там. По крайней мере, так утверждали документы. Но стоило ему попытаться представить место, где он получил ранение, как в голове возникала лишь пустота. — Вы тоже вернулись с войны, сэр? — спросил молодой офицер. Томас поднял глаза. — Что заставило вас так подумать? Офицер кивнул на его руку. На запястье виднелся бледный след от медицинской повязки. — Военный госпиталь, полагаю. Я недавно навещал то-

варища в Саутгемптоне. Говорят, оттуда постоянно прибывают новые раненые. — Я почти ничего не помню о службе. Офицер перестал улыбаться. — Простите. — Не стоит. Вы не могли знать. Некоторое время они молчали. Затем офицер произнёс: — Впрочем, иногда это даже к лучшему. Я видел людей, которые возвращались с войны, но оставляли там нечто большее, чем память. Он отвернулся к окну. Томас хотел спросить, что он имеет в виду, но не решился. Вместо этого он закрыл глаза. Поезд гремел на стыках рельсов. За окном мелькали мокрые поля, кирпичные фермы, телеграфные столбы и редкие станции с чёрными часами под навесами. Постепенно стук колёс превратился в другой звук. Взрыв. Крик. И голос, произнёсший: Не позволяй им забрать девочку. Томас резко открыл глаза. Священник уже не спал. Он внимательно смотрел на него поверх очков. — Вам дурно, сын мой? — Нет. — Вы побледнели. — Мне показалось, что я кое-что вспомнил. Священник сложил газету. — И это хорошая новость? Томас посмотрел на свои руки. — Пока не знаю. Лондон встретил его дымом. Над городом висла густая серая пелена. Из труб домов поднимался угольный чад, улицы блестели от дождя, а по мостовым грохотали экипажи. Лошади фыркали, кучера выкрикивали предупреждения, торговцы предлагали горячие пирожки и свежие газеты. Толпа двигалась во всех направлениях, словно огромный механизм, в котором никто не замечал отдельного человека. Томас стоял у выхода с вокзала Чаринг-Кросс

и чувствовал себя чужаком. Он должен был знать этот город. Здесь прошла значительная часть его жизни. Здесь он работал чертёжником в конторе «Харгривз и сыновья», здесь жил с женой и дочерью, здесь, возможно, произошло нечто, что превратило его в человека без прошлого. Однако Лондон не узнавал его. И Томас не узнавал Лондон. Он достал из кармана листок с адресом своей прежней работы: Грейс-Инн-роуд, дом двадцать семь. Рядом с адресом стояла подпись доктора Хейл. Томас скомкал бумагу и убрал обратно. Сначала — камера хранения. Он пересёк привокзальную площадь, прошёл под каменной аркой и направился к ряду металлических ячеек, расположенных в боковом помещении. У стойки сидел служащий в тёмном жилете. Перед ним лежала большая книга учёта. — Чем могу помочь, сэр? Томас положил ключ на стойку. — Мне нужна камера номер триста семнадцать. Служащий посмотрел на ключ. Затем на Томаса. Его лицо изменилось так быстро, что Томас сначала решил, будто ему показалось. — Кто дал вам это? — Это имеет значение? — Я спросил, кто дал вам ключ. — Мой брат. Служащий перестал двигаться. — Ваш брат? — Эдвард Эшфорд. Мужчина медленно закрыл книгу учёта. — Подождите здесь. — Почему? — Я должен пригласить управляющего. Он поднялся и скрылся за дверью в конце помещения. Томас остался у стойки. Через минуту он услышал приглушённый разговор. — …он сам пришёл. — Вы уверены? — Ключ тот самый. После этого наступила тишина. Томас посмотрел

на дверь. Он мог уйти. Мог сделать вид, что ошибся, вернуться на улицу и попытаться найти другой путь к прошлому. Но тогда зачем он вообще приехал? Дверь открылась. Вышел высокий мужчина с узким лицом, седыми усами и золотой цепочкой часов на жилете. — Мистер Эшфорд? — Да. — Я управляющий этой части вокзала. Позвольте взглянуть на ключ. Томас не отдал его. — Сначала скажите, почему ваш служащий испугался моего имени. Управляющий чуть заметно усмехнулся. — Лондонский вокзал — место, где каждый день теряются сотни вещей, сэр. Иногда их владельцы возвращаются спустя годы. Это не всегда приятное зрелище. — Мой брат оставил здесь что-то? — Да. — Что именно? — Мне не было велено задавать вопросы. — Кем? Управляющий протянул руку. — Если вы хотите получить свою вещь, сэр, мне потребуется ключ. Томас положил его на ладонь мужчины. Тот внимательно изучил цифры, затем открыл небольшую дверцу за стойкой и достал связку ключей. — Прошу за мной. Камера хранения находилась в узком коридоре за служебным помещением. Томас шёл медленно, опираясь на трость. Каждый шаг отзывался болью в висках, но он старался не показывать слабости. Управляющий остановился у металлической дверцы с номером 317. — Ваш брат оставил распоряжение, — сказал он. — В случае если за вещью явится Томас Эдвард Эшфорд, её надлежит выдать лично ему. — Когда? — Четырнадцатого ноября 1896 года. Томас нахмурился. — Три года назад. — Именно.

— Он приходил сюда сам? — Я не могу этого подтвердить. — Но вы знаете, кто принёс вещь. Управляющий промолчал. — Кто? Мужчина посмотрел на конец коридора. — Я бы советовал вам не задавать этот вопрос. Томас почувствовал знакомое раздражение. Все вокруг словно сговорились разговаривать загадками. — Откройте камеру. Управляющий вставил ключ. Механизм щёлкнул. Дверца медленно отворилась. Внутри лежал небольшой чёрный саквояж, обёрнутый брезентом. На ручке висела пожелтевшая бирка с фамилией Эшфорд. Томас протянул руку. Но прежде чем он коснулся саквояжа, управляющий схватил его за запястье. — Что вы делаете? — Забираю свою вещь. — Не здесь. — Почему? — Потому что я не хочу, чтобы меня нашли мёртвым. Томас замер. Управляющий отпустил его руку и отступил на шаг. — Возьмите саквояж и уходите. Не открывайте его на вокзале. И если кто-нибудь спросит, были ли вы здесь, отвечайте, что ошиблись камерой. — Кто может меня искать? Управляющий покачал головой. — Я ничего не знаю, мистер Эшфорд. Он произнёс это так, словно повторял заученную фразу. Томас взял саквояж. Он оказался тяжелее, чем выглядел. И когда Томас поднял его, внутри что-то тихо звякнуло. Металл о металл. Будто там лежали инструменты. Или оружие. Томас остановился в небольшой гостинице на Стрэнде, в нескольких минутах ходьбы от вокзала. Она называлась «Корона и якорь». На вывеске был изображён корабельный якорь под золотой короной, а окна первого этажа затягивал пар от кух-

ни. Хозяин, коренастый мужчина с рыжими бакенбардами, записал имя постояльца в журнал и выдал ключ от комнаты на втором этаже. — Завтрак в семь, сэр. Ужин в шесть. Если пожелаете ванну, нужно предупредить заранее. — Мне нужна только комната. — Как угодно. Томас поднялся по лестнице. В комнате стояли узкая кровать, умывальник с кувшином, небольшой письменный стол и кресло с продавленным сиденьем. На стене висела гравюра с изображением корабля, терпящего крушение у скал. Он запер дверь. Поставил саквояж на стол. Несколько минут просто смотрел на него. Затем достал ключ с номером 317 и положил рядом. — Что ты оставил мне, Эдвард? Ответа не было. Томас открыл саквояж. Сверху лежал старый мужской шарф тёмно-синего цвета. Под ним — несколько листов бумаги, перевязанных бечёвкой, небольшая деревянная шкатулка и конверт, на котором было написано его имя. Томасу. Только ему. Почерк был знаком. Не потому, что Томас помнил его, а потому, что рука сама узнала форму букв. На мгновение ему показалось, что он видит подпись Эдварда на старом чертеже. Он разорвал конверт. Внутри лежал один лист. Томас. Если ты читаешь это письмо, значит, я не смог исправить то, что произошло. Не доверяй официальной версии моей смерти. Не доверяй доктору Хейл. И, ради Бога, не пытайся вернуть память, пока не узнаешь, кто такой человек со львом на перстне. Если ты вспомнишь его лицо раньше, чем найдёшь второе письмо, всё закончится так же, как в прошлый раз. Я не

могу написать больше. Прости меня. Эдвард. Томас перечитал письмо. Потом ещё раз. «Так же, как в прошлый раз». Что это означало? Он уже пытался вернуть память? Он уже сталкивался с человеком в перстне? И если да, то что именно произошло в тот раз? Томас опустил письмо. Руки дрожали. Он взял деревянную шкатулку и попробовал открыть её. Крышка не поддалась. Сбоку находилась крошечная замочная скважина. Томас проверил ключи из связки, лежавшей в саквояже. Ни один не подошёл. Он отложил шкатулку и развернул бумаги. Это были чертежи. Сначала он не понял, что именно изображено на листах. Тонкие линии, обозначения комнат, лестницы, коридоры, подписи, сделанные аккуратным архитектурным почерком. Затем Томас увидел название. «Блэк-Хаус. План нижнего этажа». В груди что-то сжалось. Он слышал это название раньше. Или ему казалось, что слышал. Томас положил чертёж на стол и прижал ладонью. Перед глазами вспыхнуло изображение длинного коридора с тёмными обоями. На стене висело зеркало в позолоченной раме. Где-то за закрытой дверью плакал ребёнок. Он узнал этот дом. Не разумом. Телом. Его пальцы сами нашли на чертеже лестницу, ведущую в подвал. — Я был там, — прошептал Томас. В комнате стало тихо. Слишком тихо. Он вдруг заметил, что на последнем листе есть ещё одна надпись, почти незаметная под сгибом бумаги. Томас развернул лист полностью. На нём было написано: «Если Беатрис жива, она находится там». Под словами стоял адрес. Не в Лондоне.

В небольшом прибрежном городке на юге Англии. Уитстейбл. Дом номер девять, Блэк-лейн. Томас ощутил, как по телу пробежал холод. Беатрис могла быть жива. Его дочь могла быть жива. Но почему Эдвард оставил это письмо в ноябре 1896 года — за два года до официальной даты смерти девочки? И почему в документе говорилось о ней так, будто её исчезновение уже произошло? Томас снова взглянул на шкатулку. Теперь он был уверен, что внутри лежит ответ. Он попытался вскрыть замок ножом, но металл не поддался. Тогда он взял шкатулку обеими руками и встряхнул. Внутри что-то стукнуло. Затем раздался едва слышный шелест бумаги. Томас поднёс шкатулку к уху. И услышал тихий звук, от которого у него перехватило дыхание. Детский смех. Он отшатнулся. Шкатулка выпала из рук и ударилась о пол. Дерево треснуло у самого замка. Томас наклонился, поднял её и осторожно раздвинул треснувшие края. Крышка открылась. Внутри лежала маленькая фарфоровая кукла. У неё были светлые волосы, голубые глаза и красное платье с белым воротничком. Одна рука отсутствовала. Томас узнал её мгновенно. Не по воспоминанию. По боли. Он видел эту куклу раньше. Он держал её в руках. Он слышал, как маленькая девочка плакала, когда у куклы отломилась рука. И он обещал починить её. Томас прижал куклу к груди. В голове вспыхнуло лицо Беатрис. На этот раз не фотография. Живое лицо. Девочка сидела у него на коленях и тянула его за воротник рубашки. — Папа, ты ведь не позволишь ему забрать

меня? Томас попытался ответить, но голос не слушался. Девочка посмотрела ему за плечо. Её улыбка исчезла. — Он пришёл. Воспоминание оборвалось. Томас снова оказался в гостиничном номере, тяжело дыша и сжимая куклу в руках. Он медленно повернул её. На спине, под платьем, обнаружился крошечный металлический крючок. Томас осторожно потянул за него. Внутри куклы что-то щёлкнуло. Из полой деревянной основы выпал сложенный вчетверо листок. Бумага была старая, пожелтевшая, края потемнели от времени. Томас развернул её. На листке было всего несколько слов. «Томас, если ты нашёл это, значит, они снова сделали тебя чужим самому себе». Ниже стояла подпись. Элеонор. Томас почувствовал, как комната начала вращаться. Он схватился за край стола. Элеонор. Его жена. Она знала, что он может потерять память. Она знала об этом заранее. И, возможно, именно поэтому оставила послание внутри детской игрушки. Томас заставил себя дочитать. Не ищи меня в Лондоне. Не верь человеку, который скажет, что я умерла. Если ты всё ещё помнишь, как звучит колокольчик на нашей двери, значит, в тебе осталось хоть что-то настоящее. Найди меня до первого снега. Э. Томас опустил письмо. За окном прогремела телега. На улице кто-то громко рассмеялся. Обычный Лондон продолжал жить своей жизнью, не подозревая, что в маленькой гостиничной комнате человек только что получил доказательство: его жена могла быть жива. Но больше всего Томаса испугала не последняя строчка. А первая. «Они

снова сделали тебя чужим самому себе». Не «ты потерял память». Не «ты забыл нас». Они сделали. Кто-то лишил его воспоминаний намеренно. И, судя по словам Элеонор, это уже происходило раньше. В дверь постучали. Томас вздрогнул и быстро спрятал письмо в карман. — Кто там? — Горничная, сэр. Принесла горячую воду. Он посмотрел на часы. Было около пяти вечера. — Оставьте у двери. — Хозяин велел передать, что вас спрашивал джентльмен. Томас медленно поднялся. — Какой джентльмен? — Не назвал имени, сэр. — Как он выглядел? За дверью наступила короткая пауза. — Высокий. В чёрном пальто. С серебряной тростью. Томас почувствовал, как кровь отхлынула от лица. Мистер Рид. Он подошёл к двери, но не открыл её. — Что он сказал? — Спросил, приехали ли вы с вокзала. А потом велел передать… — Что? Горничная понизила голос: — Что если вы отправитесь в Уитстейбл, то никогда больше не увидите свою дочь. Томас замер. — Он ещё здесь? — Нет, сэр. Ушёл несколько минут назад. — В какую сторону? — К вокзалу, полагаю. Томас отступил от двери. В голове звучали слова Элеонор. Найди меня до первого снега. И предупреждение Рида. Вы никогда больше не увидите свою дочь. Он подошёл к окну и посмотрел на улицу. На противоположной стороне дороги стоял мужчина в чёрном пальто. Он не двигался. Не пытался спрятаться. Просто смотрел прямо на окно Томаса. Когда их взгляды встретились, мужчина поднял руку и медленно коснулся пальца, на котором блеснул перстень.

Лев. Томас отпрянул от окна. На этот раз память вернулась не обрывком, а целой сценой. Он увидел комнату с тёмными обоями. Элеонор стояла у стены, прижимая к себе Беатрис. Мужчина с перстнем держал револьвер. Томас стоял напротив него, весь в крови. — Ты обещал, — сказал мужчина. — Я не позволю тебе забрать их. — Тогда тебе придётся забыть. Раздался выстрел. Элеонор закричала. Беатрис исчезла в темноте. А Томас упал на пол. Он очнулся на коленях посреди комнаты. Кукла лежала рядом. На ладони выступила кровь: он так сильно сжал металлический крючок, что тот прорезал кожу. Томас поднялся, опираясь на стол. Мужчины на противоположной стороне улицы уже не было. Он бросился к двери, распахнул её и выбежал на лестницу. — Сэр! — крикнул хозяин гостиницы. — Вы куда? Но Томас не остановился. Он выскочил на улицу и огляделся. Толпа двигалась по тротуарам. Экипажи проезжали по мокрой мостовой. Газетчик выкрикивал последние новости с фронта. Чёрного пальто нигде не было. Томас сделал несколько шагов и почувствовал, как голова наполняется болью. Уличные звуки смешались в один гул. Он упёрся рукой в стену. В кармане лежало письмо Элеонор. В саквояже — чертёж Блэк-Хауса. На столе в гостиничном номере оставалась кукла Беатрис. А в памяти появился новый вопрос. Кто-то заставил его забыть собственную жизнь. Но что, если это было сделано не для того, чтобы скрыть преступление? Что, если его заставили забыть, потому что он сам совершил нечто настолько

ужасное, что не смог бы с этим жить? Томас медленно выпрямился. Он больше не собирался ждать ответов от доктора Хейл, мистера Рида или мёртвого брата. У него было имя. Адрес. И обещание, данное женщине, которую он почти не помнил. Он должен был добраться до Уитстейбла. До первого снега. И прежде, чем человек с перстнем найдёт его снова. Томас вернулся в гостиницу, собрал саквояж и попросил хозяина вызвать экипаж до железнодорожной станции. — Куда направляетесь, сэр? — спросил тот. Томас застегнул пальто. — На юг. — Далеко? Он посмотрел на фотографию жены и дочери, которую наконец достал из внутреннего кармана. — Достаточно далеко, чтобы найти мёртвых. Он помолчал. — Или вернуть живых. Конец четвёртой главы. В следующей главе — «Дом на Блэк-лейн». Томас доберётся до Уитстейбла и найдёт дом, указанный в письме Эдварда. Но местные жители будут утверждать, что этот дом сгорел ещё два года назад. А старуха, которая откроет ему дверь соседнего коттеджа, назовёт его не Томасом, а именем, которого он никогда не слышал.

Глава 5. Дом на Блэк-лейн

Уитстейбл, графство Кент. Ноябрь 1899 года. К тому времени, когда Томас Эшфорд добрался до Уитстейбла, день почти закончился. Море было свинцово-серым. Ветер с пролива приносил запах соли, водорослей и гниющего дерева. Над крышами рыбацких домов кружили чайки, крича так прон-

зительно, словно предупреждали город о приближении беды. Экипаж остановился возле небольшой гостиницы на окраине. — Дальше не поеду, сэр, — сообщил кучер, спрыгивая с козел. — На Блэк-лейн дорога совсем скверная. Да и после наступления темноты туда никто не любит соваться. Томас поправил воротник пальто. — Почему? Кучер посмотрел на него так, будто вопрос был неуместным. — Потому что там ничего хорошего не случается. — Вы говорите о доме номер девять? Лицо кучера изменилось. Он снял шляпу, почесал затылок и бросил взгляд на дорогу, уходившую между голыми деревьями. — Кто вам сказал об этом доме? — Человек, которому я доверял. — Тогда, сэр, вам следовало бы спросить его, почему он послал вас туда. Томас достал из кармана несколько монет и протянул кучеру. — Вы знаете, что произошло с этим домом? Мужчина взял деньги, но отвечать не спешил. — Он сгорел. — Когда? — Два года назад. В феврале. Томас почувствовал, как внутри всё сжалось. Февраль 1898 года. Тот же месяц, которым была датирована официальная запись о смерти Беатрис. — Кто погиб при пожаре? — Никто не знает наверняка. Владелец дома исчез ещё до пожара. Говорили, что внутри находилась женщина с ребёнком, но тел не нашли. — Кто был владельцем? Кучер покачал головой. — Я бы не стал произносить это имя на улице, сэр. — Почему? — Потому что некоторые люди в этом городе до сих пор получают деньги за то, чтобы его никто не произносил. Мужчина забрался обратно на козлы. — Если поз-

волите совет, сэр, возвращайтесь в Лондон. — Не позволю. — Тогда хотя бы не заходите туда после заката. Кучер натянул поводья. Лошади тронулись, и экипаж исчез в сумерках. Томас остался один. Перед ним лежала дорога на Блэк-лейн. Он достал из кармана письмо Элеонор. Найди меня до первого снега. До первого снега оставалось неизвестно сколько времени. Но теперь Томас понимал: ждать нельзя. Он пошёл вперёд. Блэк-лейн оказалась узкой дорогой, зажатой между каменными оградами и зарослями ежевики. Ветви цеплялись за пальто, грязь засасывала ботинки, а холодный ветер пробирался под одежду. Томас двигался медленно, опираясь на трость. После долгой поездки голова болела особенно сильно. Через четверть часа он увидел первый дом. Небольшой коттедж с низкой крышей и заколоченными окнами. Дальше стоял ещё один, окружённый заросшим садом. Все дома выглядели заброшенными, хотя кое-где за занавесками мерцал свет. Затем дорога сделала поворот. И Томас увидел пепелище. Он сразу понял, что это оно. На месте дома номер девять возвышались обугленные стены. Часть крыши обрушилась внутрь, окна превратились в чёрные провалы, а каменная труба накренилась, готовая рухнуть от первого сильного порыва ветра. Перед домом стоял покосившийся забор. На одном из столбов ещё сохранилась металлическая табличка. 9 — BLACK LANE. Томас остановился. Он не знал, чего ожидал. Возможно, увидеть целый дом. Окна с занавесками. Следы человеческой жизни. Может быть, услы-

шать детский голос. Но здесь не было ничего, кроме золы, мокрых камней и запаха сырости. Он подошёл к забору. За ним, среди обломков, виднелась часть лестницы, ведущей в подвал. Ступени уцелели, хотя были покрыты пеплом и обломками штукатурки. Томас посмотрел на чертёж, который привёз из Лондона. На плане нижнего этажа была отмечена небольшая комната под лестницей. Рядом стоял знак, похожий на крест. Он приблизил бумагу к глазам. Под знаком виднелась надпись: «Хранилище. Не открывать без моего присутствия». Томас попытался вспомнить, кому принадлежали эти слова. Голова отозвалась резкой болью. На мгновение он увидел перед собой подвал, освещённый керосиновой лампой. В углу стоял деревянный сундук. На крышке лежал детский башмачок. Затем видение исчезло. Томас отступил от забора. — Нет, — прошептал он. — Не сейчас. Он не мог позволить памяти снова захватить его. Сначала ему требовалось понять, что произошло здесь два года назад. И кто был владельцем дома. Соседний коттедж оказался единственным обитаемым домом на этой части улицы. В окне горел свет. Над дверью висел маленький латунный колокольчик, а возле крыльца стояли два горшка с засохшими хризантемами. Томас постучал. Никто не ответил. Он постучал ещё раз. За дверью послышались медленные шаги, затем скрежет отодвигаемого засова. На пороге появилась старуха. Она была очень худой, с белыми волосами, убранными под чепец, и глубоко посаженными глазами. На плечах у неё ле-

жала шерстяная шаль, а в руке она держала масляную лампу. — Чего вам? — Добрый вечер. Простите за беспокойство. Меня зовут Томас Эшфорд. Я ищу сведения о доме напротив. Старуха не ответила. Она смотрела на его лицо. Сначала с недоверием. Потом с растерянностью. Наконец её губы задрожали. — Нет, — прошептала она. — Простите? — Этого не может быть. Томас почувствовал неприятный холод под рёбрами. — Вы меня знаете? Старуха шагнула назад. Лампа в её руке дрогнула. — Господи милосердный… Они сказали, что ты погиб. Томас схватился за дверной косяк. — Кто сказал? Но старуха уже пыталась закрыть дверь. Он успел подставить трость. — Пожалуйста! Я ничего не помню. Мне нужно знать, что произошло в этом доме. Женщина посмотрела на него ещё раз. Затем произнесла: — Уходи, Эдвард. Томас перестал дышать. — Что? — Уходи отсюда, Эдвард Эшфорд. Ты не должен был возвращаться. Она резко захлопнула дверь. Томас остался стоять на крыльце. Дождь застучал по его шляпе. Эдвард. Она назвала его именем брата. Не Томасом. Не мистером Эшфордом. Эдвардом. Томас ударил в дверь ладонью. — Откройте! Ответа не последовало. — Вы ошиблись! Меня зовут Томас! За дверью что-то упало. Затем послышался тихий всхлип. Томас прижался ухом к дереву. Старуха плакала. И сквозь рыдания он услышал слова, от которых его сердце едва не остановилось: — Я же видела, как ты его убил… Томас отступил от двери. Улица внезапно показалась ему совершенно незнакомой. Ветер шеве-

лил ветви деревьев. Где-то далеко звонил церковный колокол. Из трубы соседнего дома поднимался дым, растворяясь в тёмном небе. Я же видела, как ты его убил. Кого? Эдварда? Мужчину с перстнем? Кого-то ещё? Томас попытался удержать мысль, но голова снова наполнилась болью. Он прислонился к стене и закрыл глаза. В памяти возникла рука. Кровь на пальцах. Голос Эдварда: — Ты должен уйти, Томас. Если они узнают, что ты всё ещё жив, они придут за ней. — За кем? — За Беатрис. Потом другой голос: — Один из вас должен исчезнуть. И выстрел. Томас резко открыл глаза. На улице никого не было. Он посмотрел на пепелище. Теперь он видел его иначе. Не как место, где произошёл случайный пожар. А как место, где кто-то пытался уничтожить следы преступления. И если старуха действительно видела, как он убил человека, то, возможно, именно здесь Томас потерял не только память. Возможно, здесь он потерял своего брата. Он вернулся к дому после наступления темноты. Сам не до конца понимал, зачем делает это. Разум подсказывал ему уйти, найти гостиницу, отдохнуть и утром обратиться к местным властям. Но внутри звучал голос, который не позволял повернуть назад. Тот самый голос, что возникал в его снах. Не позволяй им забрать девочку. Томас перелез через забор и осторожно ступил на пепелище. Обломки скрипели под ногами. Ветер гулял среди почерневших стен, заставляя их стонать. Он достал карманные часы и открыл крышку. Без четверти семь. В свете луны дом казался огромным скелетом.

Томас нашёл остатки лестницы и начал спускаться в подвал. Ступени были скользкими. Один раз нога соскользнула, и он едва не упал, успев ухватиться за каменную стену. Внизу пахло мокрой золой и гнилым деревом. Он зажёг спичку. Её крошечное пламя осветило подвал. Большая часть потолка обрушилась. Среди обломков лежали обугленные балки, куски мебели и разбитая посуда. Томас достал чертёж. Комната под лестницей должна была находиться справа. Он осторожно разгребал мусор, пока не обнаружил участок стены, отличавшийся от остальных. Камни здесь были сложены слишком ровно, а между ними виднелись следы свежего раствора. Кто-то заделал проход уже после пожара. Томас опустился на колени. Он начал выковыривать раствор металлическим концом трости. Работа шла медленно, пальцы немели от холода, а спички приходилось зажигать одну за другой. Наконец один из камней поддался. За ним обнаружилась небольшая полость. Внутри лежал железный ящик. Томас вытащил его и поставил на пол. Крышка была закрыта на простой замок. Ключ 317 не подошёл. Тогда Томас ударил по замку камнем. Со второй попытки металл треснул. Он поднял крышку. В ящике лежали три предмета. Старая серебряная брошь в форме лилии. Сложенный лист бумаги. И маленькая детская перчатка. Томас узнал её. Он не мог объяснить, откуда. Но стоило ему коснуться ткани, как в голове вспыхнуло воспоминание: маленькая рука в белой перчатке, тёплая ладонь, тонкие пальцы, обхватившие его ука-

зательный палец. — Папа, не уходи. Томас прижал перчатку к губам. На этот раз слёзы появились прежде, чем он успел понять, почему плачет. Он развернул лист. Почерк был мужским, быстрым и неровным. «Если я не вернусь, значит, Томас узнал правду. Не позволяйте ему найти Элеонор, пока не будет уничтожен список». Ниже стояли четыре слова: «Список находится у священника». Томас перечитал записку. — Какого списка? Внезапно за спиной раздался звук. Щелчок. Будто взвели курок револьвера. Томас медленно обернулся. В проёме подвала стоял мужчина в длинном пальто. Его лицо скрывала тень. В правой руке он держал револьвер. — Положите бумагу на землю, мистер Эшфорд. Томас не двигался. — Кто вы? — Человек, который пытается дать вам последний шанс. — Я слышал это уже не раз. — И всё ещё не научились слушать. Мужчина шагнул вперёд. Свет спички на мгновение осветил его руку. На пальце блеснул перстень с изображением льва. Томас почувствовал, как кровь застыла в жилах. — Это вы, — прошептал он. — Возможно. — Вы были в Блэк-Хаусе. Мужчина слегка наклонил голову. — Вы начинаете вспоминать. — Что вы сделали с моей дочерью? — Ничего такого, чего вы сами не просили. Томас почувствовал, как внутри поднимается ярость. — Лжец! — Осторожнее, Томас. В прошлый раз вы тоже начали именно с этого слова. Мужчина поднял револьвер. — Отдайте записку. Томас сжал бумагу в кулаке. — Нет. — Тогда вы умрёте здесь. — Вы уже пытались меня убить. На мгновение муж-

чина замер. Это была первая реакция, которую Томас смог прочитать на его лице. Не страх. Удивление. — Значит, вы действительно что-то вспомнили, — сказал незнакомец. Он сделал ещё один шаг. — Тогда позвольте мне помочь вам вспомнить остальное. Томас попятился. За его спиной находилась стена. Слева — обломки лестницы. Справа — груда обгоревших балок. Выход был только один. Мимо человека с револьвером. — Кто вы? — повторил Томас. Мужчина снял шляпу. Его лицо оказалось бледным, с резкими скулами и тонким шрамом, пересекавшим левую бровь. Томас не узнал его. Но увидел, как незнакомец улыбнулся. — Вы ведь хотите знать, кто вы на самом деле? — Да. — Тогда посмотрите на меня внимательно. Мужчина приблизился. — Я — тот человек, которого вы убили три года назад. Томас перестал дышать. Он хотел ответить, но слова исчезли. Потому что в ту же секунду память наконец открылась. Он увидел комнату. Кровь. Эдварда, лежащего на полу. И самого себя — стоящего над телом с револьвером в руке. Воспоминание было настолько ясным, что Томас почувствовал запах пороха. Затем незнакомец произнёс: — Меня зовут Эдвард Эшфорд. Томас отшатнулся. Перед ним стоял его брат. Человек, которого он считал мёртвым. Человек, чья подпись появилась в медицинской карте. Человек, которого он, возможно, убил собственными руками. Эдвард опустил револьвер. — Здравствуй, брат. И в этот момент наверху раздались шаги. Не одни. Много. Эдвард резко повернулся к лестнице. — Они на-

шли нас. Он схватил Томаса за рукав. — Если хочешь увидеть Элеонор и Беатрис, делай в точности то, что я скажу. — Но ты… — Потом, Томас! Наверху скрипнула доска. Послышался мужской голос: — Обыщите подвал. Они не могли далеко уйти. Эдвард потушил спичку. Подвал погрузился в темноту. Он наклонился к самому уху брата и прошептал: — И что бы ты ни увидел этой ночью, не верь собственной памяти. Сверху раздался первый выстрел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.